

12+

Ада Авенрок

Громкое молчание

Ада Авенрок

Громкое молчание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561799

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ от первого лица, повествующий о буднях парализованной девушки, потерявшей веру в чудо.

Каждый день я снова и снова открываю свои бессмысленные, пустые глаза. Именно так они выглядят со стороны, когда, изредка, сестра подносит зеркало к моему осунувшемуся, заостренному лицу.

Я лежу на своей кровати и одновременно тяжким грузом на плечах родных вот уже несколько лет. Квартира у нас небольшая – поэтому младшая сестра живёт со мной в одной комнате. Когда я попала в аварию, ей было всего двенадцать, и она очень тяжело переносила мою утрату. Говорю так, как будто уже умерла, и это в какой-то степени правда: я превратилась в обездвиженное тело, способное лишь моргать, двигать зрачками и произносить перекошенным ртом нечленораздельные звуки. Самостоятельно поворачивать голову не могу – поэтому вижу только то, что попадает в мое периферийное зрение, ну и, конечно, потолок. Я очень благодарна своей семье, что поблизости нет зеркала – это окончательно бы добило меня. Зато над кроватью сестры висит плакат с какими-то корейцами, похожими на фарфоровых кукол. Иногда я так долго пялюсь на них, что моя сестра решает, будто я хочу послушать песни. Тогда она включает музыку, видимо этой группы, и начинает танцевать рядом с моей кроватью. Я, конечно, снисходительно отношусь к некоторым выходкам сестры: например, смирилась с тем, что она доросла до моей одежды и, пока я наблюдаю за ней покосившимся глазом, теперь крутится в ней перед зеркалом. Но что-что, а

на этот плакат при ней больше не смотрю.

Как-то раз, когда я одиноко лежала в своем углу, услышала голоса из кухни: мама варганила ужин, а сестра помогала ей. Вскоре начали доноситься отчетливые запахи разных продуктов, которым предстояло стать каким-то блюдом. Тогда я придумал игру – угадывать по запахам, что готовится в этот раз. Однако, часто эти засранки успевали произнести вслух название блюда, и вся игра шла насмарку.

Но в этот раз меня не проведешь – этот запах я не спутаю ни с чем – они явно варили кисель.

– Интересно, ей понравится? – спросила сестра маму, когда они уже почти доварили этот вязкий напиток.

– Надеюсь, да. Мы ведь не можем знать, о чем она думает, – явно с улыбкой, это чувствовалось по голосу, ответила ей мама.

Ох, если бы вы только знали, о чем я думала тогда. Ягодный запах киселя настолько окутал меня, что я была почти на сто процентов уверена, главный ингредиент – это клюква. И вот, я закрываю глаза и понимаю, все происходящее – нереально. Казалось, будто на самом деле я не парализована, а просто увязла в очень густом и сладком напитке. Конечно, я не могу чувствовать ни рук, ни ног, ведь они утоплены в розово-красной гуще. Так я продолжала дрейфовать в неподвижном состоянии, пока не поняла одну вещь – мои конечности потеряли свою форму, они срослись с телом, поэтому я их не чувствую. Да, теперь мое тело приобрело форму ша-

ра, круглой красной ягоды. Я и есть клюква: такая кислая внутри, наполненная едкими мыслями и неприязнью к этому миру, даже хорошо, что я плаваю в этой субстанции, так я кажусь миру слаще.

Видимо, мои размышления заняли около часа, так как в доме все стихло. Я напряглась, начиная прислушиваться. Ни шороха – как, они оставили меня одну? Стало жутко одиноко и обидно, разве они не понимают, КАК мне здесь плохо? А если что-то случится, ну например, затопят соседи сверху и капли потекут с потолка прямо мне на лицо? А может, начнется пожар, и я сгорю тут вместе с этими кукольными корейцами как ненужный ветхий хлам. Сердце начало стучаться быстрее, подступила паника.

Но тут из соседней комнаты раздался приглушенный смех сестры, выдохнув, я начала потихоньку успокаиваться. Правда, спокойствие моё длилось не долго – вместе с её смехом я расслышала голос какого-то паренька. Так, стоп, она привела дружка, пока никого нет дома? Ну, я не в счет.

«Маленькая дрянь, тебе же всего четырнадцать... а, нет, уже шестнадцать. Все равно, рано ухажёров притаскивать», – хотела сказать я, но издала лишь громкое мычание. Смешки затихли, раздался топот ног, в дверном проеме кто-то появился.

– Что случилось? Тебе плохо? – спросила невинным голоском испуганная сестренка.

Я продолжала яростно мычать.

– Что с ней? Это и есть твоя сестра? – подал голос гнусный растлитель.

– Да, она болеет, – приближаясь к моей кровати, ответила она.

Сестра начала протирать мой лоб и поправлять одеяло. Я замолчала, но всё ещё раздувала ноздри. И тут резко две жилистые наглые руки обхватили сзади ее талию и утянули от кровати. Кажется, они начали обниматься, вскоре послышались звуки поцелуев. Это окончательно вывело меня из себя, я отчаянно начала издавать яростно-мычащие звуки, одному только Богу известно, какими ругательствами я покрывала эту парочку в тот момент.

Вдруг, все потемнело, я услышала запах сладких ванильных духов – сестра бросила мне на лицо свою футболку! Это было последней каплей, моей злости не было предела. Наверное, в тот момент я была похожа на злой картофельный клубень, который постепенно зеленеет на солнце. Футболку она, конечно, потом, виновато улыбаясь, сняла, но я решила не разговаривать с ней с тех пор. Ну, в смысле, не мычать и не моргать ей в ответ, когда она ко мне обращается. Сестра быстро смекнула, что к чему, но, сколько бы она не извинялась и не крутилась возле меня, я оставалась непреклонной.

Маме все это показалось странным, но маленькая плутовка так и не призналась ей в своем грешке. Отныне, я решила «общаться» только с мамой. Теперь она приходит и рассказывает мне всякие вещи из моей прошлой жизни. Жаль,

что я не могу ответить, но мне кажется, она намеренно никогда не говорит ничего плохого. «Всем тебя очень не хватает, твои друзья постоянно спрашивают, как твое здоровье», – кормя меня через трубочку, говорит мама. Выглядит это глупо, но я ведь не могу сказать ей, что они не приходили ко мне уже три года, наверное ждут, когда я позвоню и приглашу их на чай. Да и друзьями я не могла никого бы из них назвать, поэтому не хочу слушать эти сказки.

Кстати, о сказках. Несколько дней назад мама сообщила, что у нас новые соседи. У них есть сын – некий мальчик Дима десяти лет, который хочет навестить меня.

«Ну вот ещё? – подумала я, – чтобы какая-то сопля потом рассказывала всем в школе, что живет по соседству с мумией?» Я понимала, что кому, как ни детям, интереснее всего попялиться на живой труп, чтобы пощекотать свои нервишки. Я моргнула два раза – это означало отрицательный ответ. После мама еще несколько раз начинала разговор на эту тему, но мое решение оставалось прежним. Бедная женщина думает, что соседский сынок из жалости решил навестить калеку, как же она ошибается.

При чем же тут сказки? Сегодня я проснулась и не поверила своим глазам – напротив моей кровати сидел худенький мальчик в очках. Я сразу поняла кто это, как они посмели пустить его сюда? Видимо мои желания в этом доме ничего

не значат.

– Привет, меня зовут Дима, – улыбаясь, сказал он.

На удивление, он даже не был мне противен. Но я лишь искоса глянула на него и закрыла глаза. Решила игнорировать мальчугана, чтобы он поскорее ушел. Кому весело сидеть в десять лет рядом с паралитиком?

Так, в молчании мы провели несколько минут. Я думала, что он сейчас уйдет, но услышала шелест раскрывающейся книги, и открыла глаза. В руках мальчик держал большой сборник сказок и, перелистывая цветные страницы, сказал:

– Я хочу прочитать тебе одну сказку, она моя самая любимая.

Я мысленно закатила глаза, но, видимо они и вправду закатились, так как мальчик виновато пролепетал:

– Она интересная и не длинная, правда.

Это рассмешило меня, и я решила дать ему шанс. Впрочем, это оказалась былина об Илье Муромце, а никак не сказка. Эту историю я хорошо знала, поэтому вскоре задремала. Когда проснулась, мальчика, к счастью, уже не было.

Видимо, он решил, что мне понравилась его сказка, и начал приходить чуть ли не каждый день. Я смирилась с его частым присутствием – все лучше, чем лежать одной. Каждый раз он читал новые сказки, и, хочу отметить, что некоторые из них были очень даже интересными. Мальчик всегда был весел и жизнерадостен, когда приходил читать. Да и я как-то

привыкла к нему со временем. Мама очень радовалась, когда Дима приходил к нам, а сестру я вообще перестала видеть – она закончила девять классов и уехала учиться в другой город. Уезжая, она приходила попрощаться со мной, но я всё еще оставалась холодна к ней. Но меня не сильно беспокоили мысли о сестре, я уже привыкла слушать сказки от своего соседа, особенно мне нравилось под них засыпать.

Со временем Дима начал хулиганить, делать из моих тонких прядей усы, будто я Чапаев. Его это очень забавляло, меня, почему-то тоже. Только в эти моменты я могла хорошо рассмотреть его лицо, такое смешное, веснушчатое. Ну просто Том Сойер во плоти, да, я прямо видела как он бежит по улицам и бьет палкой крапиву.

Еще меня веселило, когда он задавал мне разные вопросы, и сам же отвечал ни них, изображая девчачий голос, будто бы мой:

– Привет, соседка. Что сегодня будем читать?

– Ох, опять ты! Лучше включи мне телевизор, – и закатывался смехом.

На моем лице тоже появлялось некое подобие улыбки, насколько это позволяло сделать частично парализованное лицо.

Вместе мы быстро прочитали несколько толстых книг, и вот, однажды, он принес новую, на которой было написано красным шрифтом «Корейские народные сказки». «Доволь-

но иронично», – подумала я, глядя на плакат над кроватью сестры.

Новая история затянула меня с головой – отважные и хитрые, добрые и коварные, каждый герой притягивал по-своему. Я даже представила, что люди с плаката сестры, на самом деле сошли со страниц этой книги – ведь они так идеально вписывались в мои фантазии, что витали в моих мыслях, когда Дима читал мне вслух. Два дня подряд он приходил и продолжал раскрывать так полюбившийся мне мир. Сказка была настолько большой, что чтение ее растянулось аж на три сеанса. И вот настал третий день, я горела от нетерпения. Почти всю ночь не спала – все думала, как же может закончиться эта история. В моей голове созрело несколько вариантов концовок, размышляя над ними, я уснула только под утро.

Когда я проснулась, Дима, по обыкновению, уже сидел возле моей кровати. Поприветствовав его радостными глазами, я ждала, когда он раскроет книгу. Мальчик перелистнул страницы и достал лежащий между ними тетрадный листок: – Знаешь, прежде чем дочитать сказку, я хочу, чтобы ты услышала мое сочинение. Я стесняюсь читать его кому-то, а ты, я думаю, меня поймешь.

Нет, я нисколько не понимала его! Ну зачем этот коварный малец решил мучить меня? Я не спала всю ночь и хочу первым делом услышать конец сказки, сочинение можно прочитать и после. Поэтому в ответ я дважды моргнула.

– Что, почему? Но я хочу, чтобы ты его послушала, – расстроенно сказал мальчик.

«А я хочу, чтобы ты сначала закончил начатое. Неужели это так сложно? Ты же все прекрасно понимаешь, видимо решил повредничать», – подумала я, и снова дала отрицательный ответ.

– Не волнуйся, после я дочитаю тебе сказку, – он поправил мои волосы.

«Мне нужно сейчас! Ну все, он окончательно вывел меня, пускай проваливает, если не хочет мне читать. Да, я поняла, он просто захотел меня помучить, отомстить за первый день, когда я холодно его встретила», – с этой мыслью я крепко зажмурила глаза – это означало, что я не хочу никого видеть и ни с кем разговаривать.

Пожалуй, я лежала зажмуренная слишком долго, потому что в ушах начало звенеть. Выдохнув, я открыла глаза – рядом никого не было. Еще бы, наверное, убежал играть на улицу, только разозлил больного человека и отправился веселиться. Весь оставшийся вечер я была в скверном расположении духа: обида разъедала мой увядший разум и иссушенное тело. Но он не пришел ни на следующий день, ни через два дня, ни через неделю. Я не знала, что и думать. Он больше не хочет ко мне приходить? Это же я должна обижаться. Со временем все происходящее, точнее не происходящее, начало меня всерьез беспокоить. Мама ничего не говорила, вела себя так, будто все нормально. Я уже начинала задумы-

вать, а не выдумала ли я его?

Еще через неделю приехала сестра, она зашла в нашу комнату, поздоровалась со мной. Я даже не хотела смотреть на нее, так раздавлена я была. В конце дня сестра затеяла уборку, в воздухе кружила пыль, из другой комнаты она принесла маленький телевизор. Я бессмысленно пялилась в экран, не заметив, как сестра начала разбирать мою прикроватную тумбочку.

– Что это за бумажка, выкидывать? – она достала сложенный пополам тетрадный лист, лежащий сверху в нише тумбочки.

Развернув его, сестра сказала, что почерк детский, наверное, Дима забыл. Я сразу поняла, что это за листок, и начала мычать. С помощью звуков и усиленных морганий я попросила сестру прочитать мне сочинение. Присев на краешек кровати, она бегло пробежалась по тексту, и, облизнув засохшие губы, начала читать:

« Мне часто снятся необычайно красочные, порой даже фантастические сны. В них, отправившись в любой уголок света, я могу быть кем угодно. Порой я превращаюсь в прекрасного пегаса с огненной гривой, и, разбегаясь так, что искры летят в стороны, со всего маху прыгаю с обрыва золотой горы богов. Но я не падаю, а взлетаю ввысь, купаясь в нежно-розовых прохладных облаках. Оттуда я стремглав лечу к блестящей водной глади, что небесным зеркалом рассти-

лается подо мной. Нырнув в неё, становлюсь огромным белым китом, и борозжу бескрайние толщи океана, наблюдая за поразительной жизнью подводного мира, неведомой всем остальным. Вскоре, заботливые волны выносят меня на тропический берег, и я, превращаясь в грациозного ретивого гепарда, с молниеносной скоростью, бесшумно ступая мягкими лапами, бегу сквозь необъятные луга и горные массивы, непроходимые джунгли и знойные пустыни, большие мегаполисы и забытые поселения. Но самая любимая часть моих снов – это идти, просто идти, держа за руку своих близких. Мы можем идти куда угодно, но это совсем неважно, в этот момент мы просто счастливы.

Раньше я постоянно рассказывал свои сны сверстникам и просто знакомым, но теперь делаю это все реже. Они чаще всего смеются, не понимают меня, ведь я родился без ног».

Сестра оторвала взгляд от листка и увидела слезы, бегущие по щекам из моих пустых глаз. Как все это время я была настолько поглощена своими мыслями, переживаниями, что даже не заметила, что мальчик приезжает ко мне на инвалидной коляске? Мое зрение сохранилось, но я была слепа. Я думала, что весь мир должен мне за мои страдания, не замечая, как люди страдают вокруг. Насколько узок и жесток мой мир, прикрывающийся хрупкой беззащитной оболочкой.

Вздохнув, сестра обняла меня. Так мы лежали несколько минут, пока она не прервала тишину:

– Дима, кстати, в больнице, ему должны поставить проте-

зы. Ну, он должен был сказать тебе это, он ведь приходил попроситься.

Я закрыла глаза, и, почувствовала, как мое обездвиженное тело, будто рывком вытащили из вязкой болотной слизи, той самой, что я считала своим надежным убежищем. Мои мысли и вся я, вдруг, будто вспорхнули высоко в небо, кружась легчайшим пёрышком между мягкими облачными подушками. Я не могла выразить это словами, но, если бы хоть на секунду мне вернули дар речи, я бы произнесла единственное слово: «Спасибо». Спасибо за то, что впервые за эти мучительные несколько лет я, наконец, по-настоящему открыла глаза.